

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В.В.Степанова

— доктор исторических наук, профессор НГГУ

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЕВРОПЕ И АМЕРИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ — СЕРЕДИНЕ XIX в.: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ВЛАСТИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется политическая модернизация в Европе и Америке в первой половине XIX в. Выделяются этапы, особенности этого процесса, влияние на этот процесс различных объективных и субъективных факторов.

The article touches upon the process of political modernisation in Europe and North America in the first half of the 19th century, pointing up its distinctive features and stages as well as various factors impact on the process.

В исторической науке широко используется термин «модернизация». Историки спорят о сущности этого понятия, выявляют его отличие от марксистского понимания политических процессов. У теории модернизации нет общепризнанного создателя. У ее истоков стоят К.Маркс, Э.Дюркгейм, М.Вебер.

Модернизация, понимаемая как переход от «традиционного» общества к современному, сопряжена с возникновением современных политических институтов: парламента, бюрократии. Политическая модернизация часто представляется линейными политическими изменениями, что в целом затрудняет понимание того, что произошло в середине XIX в.

«Политическая модернизация» в Европе и Америке началась в первой половине XIX в. На этом этапе эволюционным или революционным путем произошло преобразование прежней политической системы и замена ее новой [1].

XIX в. начался с Реставрации, заложившей основу для конфликта, так как важнейшим фактором политического развития стали взаимоотношения старой и новой элит.

Во всей Европе после Венского конгресса политическая власть возвращалась наследственным государям, опиравшимся на земельную аристократию, которая, пока еще более богатая, чем нарождавшаяся промышленная буржуазия, сохраняла экономическую власть, социальное господство и влияние на государя. В странах с представительными собраниями она одна пользовалась избирательными нравами и делила управление страной с чиновниками. Армия, составлявшаяся путем вербовки добровольцев или обязательных призывов новобранцев, не представляла национальной силы, а служила орудием королевской власти.

В этой политической системе выделялась Англия («Old England»). Политическая власть определялась там Биллем о правах 1689 г. и Актом о престолонаследии 1701 г. Конституционные акты не были систематизированы, однако английские историки видят в этом преимущества и гибкость сложившейся системы [2].

Для английской политической истории характерны терпимость, сдержанность в отношении к инакомыслящим. Лев олицетворял силу страны, а бульдог — упрямство и упорство. Можно говорить о непрерывности попыток установить представительную власть и о способности английского общества проявлять терпимость к новым изменениям.

В политическом устройстве Англии продолжала сохраняться модель разделения властей, возникшая в XVIII в. Палата общин контролировала правительство. Нижняя палата избиралась на 7 лет. Депутатов посылали местные корпорации (467), графства (186), университеты (5), гнилые местечки (34) [3].

В Англии до 1832 г. сохранялась политическая система, где центральное место занимали королевская власть и палата пэров. Король был наследственным и неприкосновенным, он объявлял войну и заключал мир, назначал судей, а как глава правительства назначал чиновников; он созывал и распускал парламент, представлял в палату бюджет и законопроекты; сохранялись права его предшественников; ему помогал совет, членов которого назначал он сам.

Палата лордов состояла из наследственных лордов. Заседания парламента происходили с соблюдением старинных обычаев. Палата общин, избираемая на 7 лет, руководствовалась традициями и обычаями. В стране по-прежнему сохранялась старая сословная система выборов.

Во Франции власть принадлежала дворянству и духовенству. Людовик XVIII, возвращенный на французский престол Венским конгрессом, управлял на основании Хартии 1814 г. Он сохранил все учреждения империи (магистратуру, кодексы, администрацию, церковь, университеты, французский банк) и отменил то, что сделало Наполеона Бонапарта непопулярным, — принудительные налоги. Король с первых дней своего правления «обидел» французов тем, что присвоил себе титул «Милостью Божьей» и не упоминал о воле нации; конституцию 1814 г., которую называл «хартией», опубликовал со словами «уступаем и жалуем», как бы даровал ее по своей милости; заменил трехцветный флаг белым, восстановил институт мушкетеров, но не захотел изменить «Хартию 1814 года», важную роль в политическом устройстве отводившую палате депутатов, предоставлявшую королю право назначать министров из парламентского большинства.

Граф де Артуа объединил вокруг себя роялистов и в 1824 г., став королем Франции, заявил, что «предпочел бы колоть дрова, чем быть королем на тех условиях, которые существуют в Англии».

В США сохранилась республиканская форма правления. Главный закон страны — конституция 1787 г. — закрепила федеральный принцип государственного устройства. Широкое распространение в США получили идеи Т.Джефферсона, прежде всего мысль о том, что наилучшим является правительство, которое «меньше управляет».

Отношения президента и конгресса были очень сложными. Президент не мог уезжать из страны (первым, кто это сделал, стал В.Вильсон), ему рекомендовалось не посещать конгресс. В 1798 г. была принята 11-я поправка к конституции о деятельности местных судов, в 1804 г. — 12-я поправка о раздельном голосовании за кандидата в президенты и в вице-президенты.

Первый президент США Д.Вашингтон (1789—1796 гг.) представлял федералистов и торгово-финансовые круги. Ему удалось создать действующий аппарат общенациональной исполнительной системы (Министерство финансов, военное).

Выборы 1800 г. стали особыми в истории США, так как против федералистов выступила сильная оппозиция во главе с Т.Джефферсоном и в итоге победила. Впервые в США власть сменилась мирным путем. Третий президент — Т.Джефферсон — сформулировал и осуществил консенсусные технологии в управлении. Важную роль стали играть республиканская и демократическая партии [4].

Латинская Америка, согласно решению Венского конгресса, возвращалась Испании и Португалии, но к 1826 г. на ее территории было образовано в результате революций 16 государств. Демократический опыт США, использованный странами Латинской Америки, не дал положительных результатов, и режимы в этих странах так и не сумели приобрести прочность.

В Испании и Португалии были восстановлены абсолютистские порядки, которые столкнулись с мощным сопротивлением.

В германских государствах власть пошла на принятие конституций. С сентября 1814 г. по декабрь 1820 г. были приняты двенадцать первых конституций (Нассау — 1814 г., Бавария — май 1818 г., Вюртемберг — апрель 1819 г.).

Политическая модернизация в каждой стране зависела от политических течений, от их программ и практического опыта. Во всех странах Европы важное место занимала консервативная абсолютистская партия, состоявшая из высших сановников и земельной аристократии и стремившаяся к сохранению неограниченной правительственной власти, авторитета духовенства, цензуры печати. В 1814 г. она господствовала во всех центрально-европейских государствах, в Восточной и Южной Европе. Однако в Англии ее уже не существовало, прежняя абсолютистская партия якобитов была уничтожена — это послужило одной из причин мирного характера политического развития Англии, где ни одна партия не оказала сопротивления установлению либерального режима. Такой партии не было в Нидерландах, Швеции и Норвегии, а во Франции она никогда не была одна представлена во власти.

Консервативная конституционная партия (тори, правый центр), состоявшая главным образом из крупной буржуазии и либеральных чиновников, требовала контроля представительного собрания над правительственным управлением, прежде всего в области финансов. Ее идеалом было личное правление государя, ограниченное, однако, конституцией, контролируемое парламентом из двух палат, вотирование ежегодного бюджета. Эта партия, стоявшая за ограничение избирательного права высоким имущественным цензом, за отсутствие цензуры, но с предоставлением свободы печати лишь богатым классам, была у власти во всех конституционных государствах; в абсолютных же монархиях она требовала конституции, представительного собрания и отмены цензуры.

Либеральная парламентская партия (виги, левый центр), вербовавшаяся главным образом среди буржуазии, требовала не только контроля над правительством, но и преобладания выборной палаты над государем, министрами и аристократической палатой. Ее идеалом был парламентарный строй, правительство, составленное из большинства палаты, правящее от имени государя, но в соответствии с волей выбранных народных представителей, конституция, признававшая верховное право (суверенитет) народа, политические права (свободу печати, собраний, союзов), неограниченную свободу религии. Она допускала цензовое избирательное право, но стремилась к понижению имущественного ценза, чтобы открыть доступ в ряды избирателей мелкой буржуазии. В качестве реальной гарантии эта партия требовала (на континенте) создания национальной гвардии, т.е. вооружения мелкой буржуазии для защиты своих политических прав. Устраненная от власти Реставрацией, эта партия стала возвращаться к политической жизни с 1830 г.

Демократическая (радикальная) партия, состоявшая из юристов, писателей, студентов, рабочих и требовавшая, следуя формуле Французской революции XVIII в., верховной власти народа и политического равенства, выдвинула лозунги всеобщего избирательного права, вознаграждения членов парламента, отмены всех политических привилегий, обусловленных богатством, и отделения церкви от государства. Идеалом этой партии было демократическое представительное правление, предпочтительно в форме республики, или даже непосредственного управления народом с законодательным плебисцитом. В 1815 г. эта партия не имела даже права открыто излагать свою программу нигде, кроме Англии, Швейцарии и Норвегии.

Оппозиция сводилась к немногочисленной и часто зависимой буржуазии, к рабочим нескольких больших городов, учащейся молодежи, немногим писателям; в странах же, подвергшихся раздроблению или находившихся под чужеземным владычеством, к оппозиционерам присоединились еще некоторые патриоты-националисты.

Режимы Реставрации просуществовали до 1830 г. и были сметены целой серией революций (в Греции, Испании, Италии, Франции, Бельгии), а в Англии — реформой 1832 г.

Освободительное движение в Греции, входившей в состав Османской империи, завершилось провозглашением независимости с помощью России, вступившей в русско-турецкую войну.

В 1820—1823 гг. началось мощное движение в Испании (которое возглавил Рафаэль Риго) с требованиями принятия конституции, ограничения монархии. Но попытки изменения политического устройства оказались безуспешны. Началось «черное десятилетие», в ходе которого был восстановлен абсолютистский режим, приведший к карлистской войне между представителями либеральных слоев и ультраконсерваторами.

В 1839 г. война была достигнут компромисс. Правительство объявило амнистию карлистам, обещало сохранить старинные вольности (фуэрос).

В Австрийской империи существовало сильное оппозиционное движение, предлагавшее проведение программ буржуазного развития (граф Иштван Сечени).

Итальянские государства подверглись интервенции австрийских войск. Дж.Мадзини в Марселе создал в 1831 г. организацию «Молодая Италия», основным требованием которой стало создание единого государства. Однако многие европейские монархи смогли примирить традиции с «веком свободы», а потому устояли перед «бурей и натиском».

Революция 1830 г. во Франции изменила положение многих тронов, прежде всего тех монархов, которые противились смене «знака суверенитета», отказываясь видеть его источник в народе. Французская революция 1830 г. оказала самое серьезное влияние на режим Реставрации.

4 августа 1830 г. была принята конституция, более либеральная, чем «Хартия 1814 года». Были расширены избирательные права, созданы условия для ускорения промышленной революции, отменены палата пэров и цензура, ограничено право владения землей католическим духовенством, вводилось местное и областное самоуправление. К власти пришла финансовая буржуазия [5].

В Европе знаменитые поэты приветствовали французскую революцию как сильнейший удар по старому политическому строю: в Германии — Г.Гейне, в России — называвшие эту революцию «знаменем вольности» А.Пушкин, Ю.Лермонтов.

Под влиянием Французской революции началось движение в Бельгии. Был приглашен король — Леопольд Кобургский, и была принята конституция, по которой верховная власть передавалась народу, а не королю. В знак своей подчиненности нации король при вступлении на престол читал присягу: «Клянусь соблюдать конституцию и законы бельгийского парламента». Конституция и принципы общественного устройства опирались на учение о свободе личности, собраний, ассоциаций.

В восьми немецких государствах в 1830—1831 гг. были приняты конституции. К 1830 г. двадцать немецких государств, кроме Пруссии, Австрии и ряда небольших государств, сформировали конституционную политическую систему. Все конституции закрепляли сильную власть монарха, но признавали полномочия ландтагов, которые должны были сотрудничать с ней. Почти во всех немецких государствах избирательное право ограничивалось высокими возрастным и имущественным цензами.

В Англии в марте 1832 г. была проведена реформа, ознаменовавшая конец старого политического порядка. В палату депутатов отныне не назначались, а избирались. Большие промышленные города получили места в нижнюю палату. Возросло число заседаний, число присутствующих, число томов отчетов, но палата депутатов не давала разрешения на публикацию итогов голосований.

В 1836 г. депутат от Ирландии О.Коннель впервые опубликовал итоги голосования. Это хотя и вызвало взрыв возмущения среди депутатов, но, по мнению английских историков, превратило английскую палату депутатов в более демократичный институт власти, способный реагировать на запросы общества [6].

В 1834 г. тори приняли имя консерваторов и в лице Р.Пиля заявили о поддержке реформ. С тех пор сохранилась традиция бороться с реформами до тех пор, пока они не будут приняты, а затем никогда не выступать против них [7].

С 1814 г. все государства изменили свой политический и социальный строй. Повсюду, за исключением Англии и Швеции, эта эволюция сопровождалась (если не была вызвана) революциями и гражданскими войнами. Вместе с тем следует подчеркнуть, что революция и реформа — это не антиподы, а специфическое проявление сложного процесса эволюции, охватывавшего экономическую, политическую и духовную сферы жизни общества.

Сыграв роль импульса в первоначальный период ломки Старого порядка, революция нашла продолжение в реформах. Но только тогда, когда результаты этих реформ складывались в систему, определявшую «новый порядок», контрреволюции и контрреформы, задерживая и даже приостанавливая преобразования, оказывались бессильны повернуть процесс модернизации вспять. Если в стране не шел процесс формирования инновационного комплекса в политической сфере, то вновь происходила революция.

Преобразования государственного и общественного устройства путем реформ позволили избежать многих жертв, став более благоприятными для общества [4].

Механизм выбора — революция или реформа как преобладающий инструмент модернизации политического устройства — зависел не только от соотношения укладов традиционного общества и общества в соответствии с новыми реалиями, которые принес XIX в., но и

от способности к компромиссу сил, составлявших правившую элиту. Немалую роль при этом играла и степень радикализации низших социальных слоев.

Революции изменяли баланс между старыми и новыми укладами, создавали условия для модернизации в политической и экономической сферах. Но ни одна из революций не изменяла сразу и кардинально отношения собственности. Сосуществование различных форм собственности сохранялось на протяжении длительного времени, хотя главенствующий тип социально-экономических отношений окрашивал и регулировал функционирование всех остальных. Тем не менее, несмотря на специфику этого процесса в разных регионах и странах Европы, общим было вытеснение капитализмом всех иных укладов.

Реформаторского потенциала в Европе хватило на 15 лет, и в 40-е гг. во всех европейских странах возникли предпосылки политических кризисов. Стимулятором новых идей была доктрина либерализма, хотя культурные и политические традиции вносили в ее реализацию свои коррективы. В широком смысле политический либерализм подразумевал ограничение всевластия государства, установление конституционализма и парламентаризма, соблюдение индивидуальных прав, свободу слова, собраний, совести, научного исследования без препятствий со стороны светских и духовных властей, создание современной судебной системы, предусматривавшей гласность, состязательность в ходе судебного процесса, введение института присяжных [8].

Важнейшую роль в политике и управлении государством в рассматриваемый период стало играть общественное мнение, под воздействием которого менялся правительственный курс, проходили политические акции, заключались или не заключались договоры, выносились или отменялись приговоры.

Это время было отмечено появлением дешевой и массовой прессы, что стало возможно при широком распространении грамотности как результата реформ в области начального образования, особенно в странах Западной Европы. Данный феномен предвосхитил ту роль, которую стали играть средства массовой информации в XX в. Отныне общественное мнение становится политической реальностью, а пресса — основным фактором его формирования.

Хотя эволюция представительной системы произошла повсеместно в Европе, а специфика представительных учреждений во многом обуславливалась политическими и культурными традициями той или иной страны, общим стал переход от сословного представительства к парламенту современного типа. От отлаженности механизма парламентаризма, от эффективности его функционирования зависела политическая стабильность в обществе [9].

В 1830—1848 гг. образцом для всей Европы была Англия, которая создала политический механизм современной Европы: конституционную монархию, парламентский режим, гарантии свобод. В Англии значительно раньше, чем в других странах, парламент стал играть роль институированного диалога власти и общества, барометра общественного мнения.

В Швейцарии только в 12 кантонах действовали демократические конституции. В США утверждалась модель эволюционного развития [10]. Республиканская и демократическая партии определяли политическую жизнь страны. Сформировалась двухпартийная система, и президенты от обеих партий сменяли друг друга [11].

Для этого периода был характерен не столько конфликт между старым и новым порядком (хотя в России и ряде стран Восточной Европы он еще не утратил своей остроты), сколько усиление напряженности внутри недавно сложившихся политических и социальных структур, а это потребовало создания новых государственных и общественных механизмов, способных обеспечить политическую стабильность.

Наиболее зримым проявлением очередной модели либерализма был не только закат влияния так называемых либеральных партий, не только новые тенденции в кругу консервативных партий, эволюционировавших от безоговорочной защиты старых порядков к альтернативе в виде либерализма нового типа, но и появление на политической сцене «третьей силы» — рабочих.

В 1848 г. во всех европейских странах прошли политические революции, которые приобрели международный характер, и это было совершенно необычным явлением в европейской истории.

Потребность в дальнейшем развитии капиталистической системы получила свое выражение в борьбе промышленной буржуазии за политическое господство.

Новым в этих революциях стало участие пролетариата и ярко выраженная национальная окраска. В ходе революций 1848 г. наблюдались две тенденции: одни из них происходили при феодализме против феодализма (Австрия, Германия), другие — при капитализме за капитализм (Франция, чартистское движение в Англии). Отличительной чертой революций стало соединение требования дальнейшего развития парламентского строя с требованием демократизации политических отношений.

Революции 1848 г. расширили конституционные права парламентов, избирательные права. В 1842 г. в Англии было введено рабочее законодательство.

Под влиянием революций 1848 г. в Швейцарии, в стране двадцати двух кантонов, каждый из которых имел свою конституцию, свое правительство, началось Возрождение (Regeneration) — этап конституционных реформ, образование партий (либеральной и консервативной). В 1848 г. была принята конституция, создавшая союзное государство (Bundesstaat вместо Staatenbunden) с республиканской формой правления. Политические принципы и нормы становятся обязательными для всех граждан, формируется верховное правительство, которое разграничивает полномочия с местной властью.

Конституция 1848 г. положила начало швейцарской нации, способствовала прекращению войн. За 50 лет Швейцария превращается в сильное промышленное государство. С 1830 по 1870 гг. в Швейцарии произошло 83 пересмотра конституции. В этой стране возникла особая форма правления — референдум, или прямая демократия.

Революции 1848 г. не решили многих политических проблем в таких странах, как Германия и Италия, однако дали мощный импульс дальнейшей демократизации политической системы в Англии и Франции.

В 50—60-е гг. XIX в. можно говорить о развитии новой политической системы. В Англии на политической арене действовали тори, виги, фритрейдеры, чартисты. В политической жизни преобладали либералы (с 1846 по 1874 гг. либералы находились у власти 24 года).

15 августа 1867 г. была проведена вторая избирательная реформа. Она предусматривала новое распределение избирательных округов.

В Англии сформировались отличительные черты модернизации:

- эволюционное развитие в сторону парламентской монархии;
- консервативная партия приняла главный принцип, состоявший в том, что сопротивление реформам должно длиться до тех пор, пока они не приняты, но затем следует принять их как факт;
- формирование новой политической культуры, где важное место заняли плюрализм и стремление к консенсусу;
- утверждение демократической избирательной системы, важнейшим элементом которой были всеобщие выборы, расширение полномочий местного управления, усиление контроля руководства политических партий, пришедших на смену рыхлым парламентским группировкам, утверждение принципа формирования ответственного перед парламентом правительства — это придало новое содержание институту парламентаризма;
- низведение роли государства до функций «ночного сторожа» [12].

Во Франции утверждалась конфликтная модель политического развития (через революции). Условиями такой модернизации стал резкий переход общества из одного состояния в другое, который устранял старые противоречия, расчищал почву для новых отношений, а вместе с тем разрушал все привычные нормы взаимодействия основных элементов общества, что неизбежно порождало дестабилизацию всей сферы социально-экономических отношений.

Кардинальное перераспределение собственности и резкое изменение привычного и статусного поведения и положения различных групп стимулировало стремление любой ценой закрепить и развить успех. В такой ситуации формировался особый тип политической культуры, ориентированный на подавление своих оппонентов, навязывание своих ценностей, что порождало новые коллизии.

Англия и Франция, раньше других стран получившие конституцию, парламент и политическую печать, сделались образцами для всех либеральных государств и распространяли по всей Европе свои политические принципы.

Германия к 1850—1860-м гг. оставалась, по словам Г.Гете, страной, которую невозможно понять и «где усложняют все себе и другим». До 70-х гг. XIX в. Германия сохраняла раздробленность, так как на этом настаивали крупнейшие европейские государства. Французские дипломаты считали невозможным менять такое устройство, заявляя, что тем самым произойдет посягательство на «немецкие свободы», а объединение Германии «разрушит европейский баланс сил». Раздробленная Германия сохраняла консервативные эксцентрические институты власти [13].

Политическое устройство Пруссии и немецких государств в середине XIX в. оценивается неоднозначно в немецкой литературе. Многие историки называют германские конституции 20-х гг. XIX в. и прусскую конституцию 1850 г. «реконструированием новых политических систем с учетом существующих реалий» в противовес тем, кто считает их «государственно-политическим регрессом».

Конституционное устройство Пруссии стало фактором, способствовавшим формированию нового понимания принципа конституционализма в прусском обществе. Не было ответа на вопрос: каким должно быть государство, чтобы оно было достаточно сильным, но не всемогущим, не стояло над народом и не лишало людей их интересов, отвечало интересам свободы и справедливости?

В Пруссии и немецких государствах господствовал принцип подчиненного положения ландтага в системе верховной власти и ограничения его деятельности временными рамками его созыва.

В работах, посвященных конституционному устройству Пруссии, отмечается отсутствие формулировок основных правил работы прусской нижней палаты вплоть до сентября 1862 г., когда официально председатель палаты Г.Симсон предложил утвердить закон, определявший порядок работы (*Die Geschäftsordnung*), принятый впоследствии без изменений Северо-Германским рейхстагом. Отсутствие таких правил позволяло манипулировать представителями отдельных групп и навязывать свое видение проблем.

Прусская конституция базировалась на требовании «дворянско-корпоративного парламентского порядка», где особая роль отводилась дворянству, отвергалось заимствование таких демократических элементов в политических системах Англии и США, как свободные выборы, отказ от сословного представительства под предлогом «несоответствия немецкому национальному развитию».

В конституции 1850 г. подтверждался незыблемость монархического принципа устройства государственной власти, но было провозглашено немало демократических принципов: равенство всех пруссаков перед законом (ст. 4), неприкосновенность личности (ст. 5), жилища (ст. 6), свобода совести, науки и преподавания (ст. 12—14, 20—25), отказ от цензуры и ограничений свободы прессы (ст. 27), право на собрания и образование обществ (ст. 29, 30), тайна переписки (ст. 33), предусматривалось создание двухпалатного парламента. Однако гарантий осуществления многих положений конституция не давала и указывала на издание в будущем специальных законов для реализации этих прав и свобод.

Глава государства — прусский король — обладал обширнейшей компетенцией. Ему совместно с ландтагом принадлежало право законодательной власти (ст. 62), единоличное право высшей исполнительной власти, назначения и созыва министров (ст. 45), верховное командование армией, право объявления войны и заключения мира (ст. 46—48). Король назначал членов верхней палаты ландтага (ст. 65—68), созывал и закрывал его сессии (ст. 51, 52). Судебная власть также осуществлялась от имени короля судьями, которые назначались им на пожизненный срок (ст. 86, 87) [6]. Особенность прусской конституции состояла в том, что она «узаконила права народных представителей как дарованные престолом».

Верхняя палата господ формировалась королем, а для выборов в палату депутатов население делилось на три избирательные курии соответственно сумме налогов, уплачиваемых

каждым избирателем. Каждая их трех групп избирала треть состава нижней палаты ландтага и поэтому считалась равной другим в своих правах на представительство. Однако эти группы избирателей резко различались по численному составу, и один голос избирателей первой курии приравнивался в разные годы к 5, 10, а то и к 18 голосам избирателей третьей курии.

Трехстепенные выборы в Пруссии остаются предметом споров в исторической науке. С учетом аграрной специфики населения Пруссии, существования сословного деления такие выборы способствовали тому, что основные группы населения были представлены равномерно. Однако изменяющаяся социальная структура прусского общества требовала внесения изменений в существующие пропорции представительства, а этого монархия делать не стремилась, и постепенно создавались условия для политического конфликта [14].

Согласно конституции, прусские министры были ответственны только перед королевской властью, что сужало возможности влияния оппозиции на управление страной в интересах торгово-промышленных кругов, так как не существовало определенных процедур влияния оппозиции на королевскую власть, сохранялся произвол властей при избрании депутатов, а это позволяло королевской власти чувствовать себя защищенной от интересов тех слоев общества, которые представляли депутаты оппозиции.

Особое место в прусской политической системе занимала верхняя палата ландтага, о прерогативах которой шли оживленные дискуссии среди политической элиты Пруссии. Эту палату называли или укротителем монархического абсолютизма, или бастионом крупных собственников, выступающих за поддержку традиционного распределения власти, борющейся против опасности бюрократического управления государством и парламентско-конституционных революционных завоеваний.

Прусская конституция от 5 декабря 1848 г. определяла выборный характер верхней палаты, основанный на высоком имущественном цензе, но в конституции от 31 января 1850 г. выборный принцип верхней палаты был ограничен, и половину мест занимали совершеннолетние королевские принцы, главы знатных семей и лица, пожизненно назначенные королем, количество которых не должно было превышать десятую часть представителей знатных семей.

В этой палате были представлены совершеннолетние принцы королевского дома (наследственно), главы знатных княжеских домов Гогенцоллернов, Гехинген, Зигмаринген, владельцы четырех крупных земельных служб (гофмейстер, канцлер, обер-маршал, обер-бургграф), представители «особого доверия», из числа которых избирались юридические советники и которые могли быть выбраны на правительственные должности, представители от евангельских соборных капитулов Бранденбурга, Мерзебурга, Наумбурга, представители от провинций, имевшие дворянские поместья, пожалованные королем, представители от университетов и привилегированных городов.

Реально верхняя палата прусского ландтага стояла на защите сословно-аристократических постулатов, исходила из принципа «министерско-консервативного» направления во всех своих действиях. В 1854 г. прусская верхняя палата по количеству превышала состав верхних палат остальных немецких государств, была бастионом интересов крупных земельных собственников и противником прусских политических элит в западных провинциях.

Верхние палаты «спасали» дворянские привилегии от реформ и преобразований и служили устойчивым консервативным противовесом радикальным устремлениям депутатов нижней палаты. В своих заявлениях депутаты верхних палат настойчиво проводили мысль о том, что они стремятся к «изменениям и улучшениям», но будут оставаться «дамбой», которая сдерживает напор политических устремлений депутатов нижней палаты.

Функции двух палат состояли в том, что совместными усилиями они влияли на законодательство страны. Законы могли издаваться лишь с согласия обеих палат и короля. Палаты получили право влиять на управление страной, так как контролировали бюджет страны, который ежегодно утверждался обеими палатами и королем в Пруссии и во многих немецких государствах.

Для принятия законов требовалось общее согласие монарха и ландтага. В действительности такого единства не было. В некоторых землях (например, в Саксонии) эти конфликты

решались особыми учреждениями — государственными судами, но в большинстве случаев решение спора предоставлялось монарху.

Бюджетное право представляло предмет ожесточенных споров в науке и в ландтаге. Прусская нижняя палата имела право утверждения сметных расходов бюджета, а доходы с податей поступали на основе постоянных законов. В результате этого в казне могли накопиться большие излишки, которые нижняя палата не могла проконтролировать, — это использовала королевская власть для решения своих проблем. Палата депутатов оказывала влияние на королевскую власть благодаря своему праву утверждать бюджет. Однако это влияние оставалось незначительным и возрастало по мере увеличения финансовых потребностей исполнительной власти.

Многие юристы считают, что в конституции было много неточностей и так называемых пробелов. Так, отсутствовало положение о том, как будет приниматься закон, если король, нижняя и верхняя палаты ландтага не смогут договориться. Спорной была проблема роли и места нижней палаты в управлении страной. В кругах правящей политической элиты сложилось твердое убеждение в ограниченных возможностях решения финансовых вопросов нижней палатой, что не соответствовало представлениям оппозиции, требовавшей изменить эти правила.

Период с 1815 г. по 1870-е гг. — рубеж в истории политической модернизации Европы и Америки. Эволюционным или революционным путем модернизация привела к полному преобразованию прежней политической системы.

Среди европейских государств по прочности конституционных традиций ведущее место занимала Великобритания. Конституция этой страны представляла собой сочетание накапливающихся из века в век обычаев и документально оформленных законодательных норм. Но подобное оформление конституционного строя стало исключением [15].

Во всех остальных странах конституции представляли собой иногда комплекс конституционных законов (конституцию Австрии составили Февральский патент 1861 г. и четыре дополнивших его закона, принятых в 1867 г., конституцию Франции 1875 г. — пять самостоятельных конституционных законов), а в большинстве случаев — единый нормативный акт.

Введение конституций находилось в прямой связи с переломными моментами в истории европейских стран. Для Швеции это было низложение в 1809 г. короля Густава IV Адольфа и падение абсолютизма. Нидерланды получили конституцию в результате образования королевства в 1815 г., а Бельгия — вследствие буржуазной революции 1830 г., освободившей страну от голландского господства.

Каждая революция первой половины XIX в. завершалась принятием конституции, отражавшей политические реалии того времени. Так были приняты конституции в Испании (1812, 1837, 1845, 1869, 1876 гг.), Португалии (1822, 1911 гг.), Франции (1830, 1848, 1852, 1875 гг.), Венгрии (1848 г.), Пруссии (1848 г.), Дании (1849 г.) [17].

Конституции декларировали политическое устройство государств, возникших в результате успехов национально-освободительных (Греция, Сербия, Румыния, Болгария) и объединительных (Швейцария, Италия, Германия) движений. В Италии после завершения объединения была распространена на всей ее территории конституция Сардинского королевства — Альбертинский статут 1848 г. За объединением Германии сначала в форме Северогерманского союза, а затем и Германской империи последовало принятие их основных законов, конституция 1871 г. в Германии сохранила принципиальные положения Прусской конституции.

Одни из принятых конституций просуществовали недолго, другие оставались основными законами своих стран далеко за пределами Нового времени (конституция Германской империи, Третьей Республики во Франции, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Италии, Швейцарии, Греции) [10].

Политический либерализм определял вектор политической модернизации. Парламенты стали играть роль институцированного диалога власти и общества, барометра общественного мнения. И хотя специфика представительных учреждений во многом была обусловлена политической и культурной традицией той или иной страны, общим был переход от сословного пред-

ставительства к парламенту современного типа. От отлаженности механизма парламентаризма, от эффективности его функционирования зависела политическая стабильность в обществе.

Либерализм инспирировал и трансформацию старейшего института Европы — монархии. Французская революция конца XVIII в. и наполеоновские войны поколебали традиционные монархические устои старой Европы. Конституционные монархии стали порождением процесса модернизации европейского общества, развивавшегося под знаком парламентаризма [17]. XX столетию оставалось лишь отшлифовать некоторые его грани, сформировавшиеся в XIX в.

Сравнительный анализ этапов политической модернизации в первой половине XIX в. позволяет сформулировать ряд научных проблем и наметить пути их решения. Нет ответа на вопрос: почему такие монархические государства, как Австрия, Пруссия продолжали сохранять авторитарные черты вплоть до Первой мировой войны, а парламентаризму не удалось установить и законодательно закрепить контроль за формированием правительства? Нет ответа и на вопросы, связанные с особенностями модернизации в той или иной стране.

Политическая модернизация стала общепринятым термином, используемым для описания сложных трансформаций по преобразованию общества от «отсталости» к «современности». Весь процесс состоит из 30—40 обязательных и связанных друг с другом преобразований. В их число входят политические реформы или политические революции, оформление конституционного строя, формирование партий и т.д.

Политическую модернизацию следует рассматривать как двигатель перемен, а не как статистическую сумму составляющих ее развитие. Этот «мотор» нужно было сначала запустить, потом разогнать. В данном процессе нужно выделить долгий период подготовки, начало движения и фазу консолидации движения. На протяжении XIX в. большинство европейских правительств стремилось создать такие условия, когда их страны смогли бы перейти от старта к движению через политические преобразования. Не всем странам это удалось: в большинстве из них развился существенный контраст между политической модернизацией в столицах и на периферии.

Процесс политической модернизации можно разделить на множество подпроцессов, которые взаимодействовали и на которые оказывало влияние немало факторов в социальной, экономической, военной сферах. Учет всех факторов позволит выявить новые тенденции в развитии истории Европы и Америки в XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации // Полис. 1998. № 2.
2. Из истории европейского парламентаризма: Великобритания. М., 1995; Из истории европейского парламентаризма: Испания и Португалия. М., 1995; Из истории европейского парламентаризма: Италия. М., 1995; Из истории европейского парламентаризма: Франция. М., 1995.
3. Барлова Ю.Е. «Гнилые местечки» в истории Англии // Вопросы истории. 1999. № 6.
4. Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история (далее — ННИ). 2004. № 2.
5. Таньшина Н.П. Орлеанистская Франция и «европейский концерт» 1830—1848 гг. // ННИ. 2005. № 3.
6. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. З.М.Черниловского. М., 1994.
7. Романова М.И. Парламентская реформа 1832 года в Англии и ее последствия // ННИ. 2005. № 4.
8. Европейский либерализм в новое время: теория и практика. М., 1995.
9. Ахметшина Р.Н. Аграрные реформы в Швеции XVIII—XIX веков и их последствия // ННИ. 2005. № 1.
10. Современные конституции: Сб. действующих конституционных актов: В 2 т. / Под ред. В.М.Гессена и Б.Э.Нольде. СПб., 1905—1907.
11. Лапшина И.К. Феномен раздельного правления в США // ННИ. 2006. № 4.
12. Осипьянц П.И. Принципы и ценностные ориентиры политической культуры новых вигов на рубеже XVIII и XIX веков // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2004. № 13.
13. Иванов В.В., Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старые государства Германии в раннее новое время // ННИ. 2006. № 6.
14. Vogel B. Wahlen in Deutschland: Theorie-Geschichte-Dokumente: 1848—1870. Berlin; N. Y., 1971; Denken und Umsetzung des Konstitutionalismus in Deutschland und anderen europaischen Lander in der ersten Halfte des 19. Jahrhunderts // Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft. 1997. № 10; Bornhak G. Deutsche Verfassungsgeschichte vom westfalischen Frieden an. S.1. Stuttgart, 1934; Gneist R. Die Militärvorlage von 1892 und der preußische Verfassungskonflikt von 1862—1866. Berlin, 1893.
15. Гутнова Е.В. Эволюция парламентаризма в Европе от средневековья до современности // ННИ. 1992. № 6.

16. Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США // ННИ. 2005. № 4.
17. Ильин М.В. Перспективы сравнительного изучения политической модернизации // Политическая наука. 2003. № 2.